

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.3.020

«ОТСЕЧЕНИЕ ГОЛОВЫ» КАК СКВОЗНОЙ МОТИВ «ФАНДОРИНСКОГО КОРПУСА» БОРИСА АКУНИНА

А. Б. Борунов

Московский городской педагогический университет;
Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова
кафедра методики обучения английскому языку и деловой коммуникации

Статья посвящена вопросам сквозных циклообразующих мотивов обширного метаобъединения текстов Бориса Акунина, связанных историями предков и потомков Эраста Фандорина и самого Фандорина. В качестве сквозного мотива выделен мотив отрубленной головы, имеющий неоднозначные и поливалентные семиотические и культурные связи.

Ключевые слова: Акунин, мотив, цикл, фандоринский корпус, современная литература.

Борис Акунин создал обширную «фандориану», включающую в себя повествования не только о самом великом сыщике, но и его примечательных предках и потомках. Разножанровые тексты объединяются в метацикл за счет развития сквозных мотивов. Одним из таких мотивов, по нашему мнению, является мотив отсечения головы. Он полисемантичен и опирается на определенную литературную и культурную традицию, создавая тем самым полифоническую смысловую структуру, в которую включен ряд текстов, составляющих «фандоринский корпус» [8].

Обезглавливание для специалиста по японской культуре Акунина (Григория Чхартишвили) – это, в первую очередь, завершение церемониала харакири, избавление от мучительной смерти: «Больше ничего не требуется, всё сделано безукоризненно. Секундант, стоящий чуть позади с длинным мечом наготове, отсечет голову одним красивым ударом. Хорошо бы, чтобы она не покатила по земле, а повисла на лоскуте коже, но это требует особого мастерства» [10, с. 211]. В такой системе координат отсечение головы – не мучительная и варварская казнь, а акт милосердия и одновременно способ сохранить достоинство. Герои-японцы в «фандоринском корпусе», замышляя самоубийство (что случается неоднократно), сожалеют лишь об отсутствии достойного секунданта, который поможет уйти из жизни красиво.

В европейской традиции отсечение головы – мучительная казнь, часто оканчивающаяся глумлением над отделенной от тела головой. Принесенная голова становится доказательством того, что человек мертв. Так, голова Иоанна Крестителя, доставленная Саломее на блюде по нау-

© Борунов А. Б., 2021

шению Иродиады, послужила стопроцентным доказательством того, что Иоанн мертв. Эта же логика сопровождает практику принесения отрезанной головы в качестве трофея: отсеченная голова представляет собой стопроцентное доказательство того, что человек умер.

В новейшей литературе мотив отрезанной головы получает иное прочтение: в фантастическом романе Александра Беляева «Голова профессора Доуэля» (1925) отрезанная голова профессора продолжает сохранять его личность: голова мыслит, помогает заниматься наукой, способствует экспериментам над другими отрезанными головами и окончательно погибает уже после разоблачения ассистента профессора Доуэля. Так, с опорой на достижения науки в научной фантастике XX века появляется третье прочтение мотива отрезанной головы: она означает не окончательную и подтвержденную смерть индивида, а напротив, продолжение его жизни. Схожая история рассказывается Беляевым в рассказе «Хой-Тойти» (1930), в котором жизнь ученого Ринга продолжается за счет того, что его отделенный от тела мозг вживили в голову слона.

Таким образом, в мировой литературе и культуре присутствует несколько способов прочтения знака отрубленной головы: голова как трофей и стопроцентное доказательство факта смерти врага, голова как символ продолжения жизни в вечности и эстетика отрезания головы в японской культуре как достойный уход из жизни.

«Фандоринский корпус», в соответствии с замыслом автора, представляет собой полижанровую структуру – в самой «фандориане» представлены разнообразные типы детектива, а в продолжающем ее проекте «Жанры» – различные жанры современной и классической литературы, персонажами которых становятся предки, потомки и родственники Фандорина.

«Голова как трофей» – первая манифестация образа отрубленной головы. Образ отрубленной головы в «фандоринском корпусе» впервые появляется в «Турецком гамбите», где отрезанная голова выступает в качестве военного трофея: «у одного из бандитов к луке седла была приторочена светловолосая человеческая голова с длинными усами. ... Все так и плыло вокруг, кошмарная голова со страдальчески закрытыми глазами и запекшейся кровью в углах рта не давала Варе покоя. Головорезы – это те, кто режут головы, вертелась в голове нелепая, полуобморочная фраза» [5, с. 89].

Отрубленная голова становится своеобразным проявлением дикости, жестокости – бандиты воспринимаются Варварой Суворовой как дикие, пугающие ее люди. Эта животная дикость, требующая предъявления головы как доказательства смерти возникает в романе «Не прощаюсь», где описана смерть Фандорина. В тексте этого романа образ отрубленной головы также прочитывается через эстетику смерти, красоту образа головы, отделенной от тела.

Дочь героини «Турецкого гамбита» Варвары, ставшая женой Эраста Петровича в «Не прощаюсь», Елизавета Турусова (Мона), увлекается скульптурой и в качестве упражнения лепит из воска точную копию головы Эраста Петровича с приклеенными волосами, усами и бровями. Восковая голова становится основой композиции, которую Мона называет с отсылкой к библейскому контексту: «Там, посередине, красовалась художественная композиция ”Трофей Иродиады”: голова Эраста в окружении астр, роз и хризантем. Мона вылепила ее в натуральную величину, с тщанием и любовью. Подобрала и покрасила парик, приклеила усики и ресницы, прорисовала жилки на висках. Заглядение! Только глаза были закрыты, потому что Мона работала тайком, по ночам, когда благородный муж спал» [З, с. 277]. Японца Масу, сопровождающего Фандорина от «Смерти Ахиллеса» до «Не прощаюсь», восхищает вид отрезанной головы хозяина, и он с удовольствием сообщает, что Мона планирует вылепить также и его голову, и она будет еще более красивой.

«Трофей Иродиады» демонстрируется гостям Эраста Петровича и самому главному герою: Мона рассчитывает вывести из равновесия всегда невозмутимого супруга. Отчасти ей это удается: «Благородный муж, ничего не подозревая, открыл туалетный шкафчик – а там его голова. Выражение лица у Фандорина сделалось такое, что у Моны от хохота чуть не приключился выкидыш. Это, конечно, было бы глупо. Зато теперь приятно вспомнить. Она и сейчас хихикнула» [Там же, с. 277]. Отметим, при создании композиции Мона отходит от канонического сюжета: практически во всех изображениях отсеченной головы Иоанна Крестителя она размещается на блюде, иногда – в чаше, но не в цветах. Голова, обложенная цветами, намекает скорее на традицию класть цветы на гроб и демонстрирует образ умершего Эраста Петровича. Невольное пророчество Моны сбывается: в романе «Не прощаюсь» Фандорин действительно погибает, и на 2021 год не существует продолжения «фандорианы», в котором описывалась бы его жизнь после мнимой смерти (на что красноречиво намекает само название романа «Не прощаюсь», а также сконструированные автором обстоятельства смерти: Фандорин взрывается вместе с заминированной дрезиной, и останки его не найдены).

Перед этим вылепленная Моной из воска голова успевает выполнить роль трофея-доказательства: восковую голову Маса предъявляет большевикам, в темноте выдавая ее за настоящую:

«– Я исполнил обещание. Исполнила ли свое ты?»

Она поднялась на ноги. Уголки рта едва заметно раздвинулись. Шуша улыбалась!

– Я отведу тебя к Зае-тунчжи, и делай с ним что хочешь. Но сначала я должна убедиться.

– В будущем, когда ты лучше меня узнаешь, ты научишься верить мне на слово, – строго сказал Маса. – Вот, смотри.

Он снял заплечный мешок, распустил тесемку.

– Это голова моего лаода. Я очень любил его, но тебя я люблю больше.

Шуша заглянула.

– Настоящий цзюнцзы. Красив даже в смерти» [Там же, с. 309].

Роман «Не прощаюсь» отражает атмосферу революции и гражданской войны, показывая ее бесчеловечность. Образ отрезанной головы отсылает также к гильотинированию и Французской революции, связывая текст Акунина с образами «Заблудившегося трамвая» Н. С. Гумилева, где реалии России начала XX века рассмотрены через призму исторических сведений о революции [9]: «В красной рубашке, с лицом, как вымя, / Голову срезал палач и мне, / Она лежала вместе с другими / Здесь, в ящике скользком, на самом дне» [7, с. 331].

Гумилев моделирует фантастическую ситуацию: у лирического субъекта отрезана голова, но при этом он продолжает говорить. В тексте Акунина эта ситуация реализуется в жизни Фандорина: его отрезанная голова предъявлена, однако он жив.

В тексте Гумилева обращает на себя внимание слово «срезал»: голову не отрубают, а именно срезают, как овощ или цветок. Этот образ предвосхищен в предыдущем четверостишии «Заблудившегося трамвая»: «Вывеска... кровью налитые буквы / Гласят – зеленная, – знаю, тут / Вместо капусты и вместо брюквы / Мертвые головы продают» [Там же, с. 331].

Образ отрезанной головы-капусты присутствует в другом тексте «фандоринского корпуса», повести «Долина мечты» из сборника «Нефритовые четки». Призрак «безголового всадника», наводящий ужас на долину, считается среди местных жителей призраком индейца Расколото-го Камня, чья отрезанная голова подверглась глумлению: ее поместили в банку и показывали всем желающим в местном салуне.

«Рид перекрестился и вынул из мешка большую стеклянную банку – ту самую, что стояла в салуне над стойкой бара, в окружении связок перца и лука.

– Зачем вам понадобилась маринованная к-капуста?!

Фонарь осветил банку получше. Луч качнулся. Эраст Петрович произвольно сделал шаг назад.

Это была не капуста, а человеческая голова. На сером лице скорбно закрытыми глазами выделались широкий горбатый нос и огромный рот. Черные волосы свисали неряшливыми клоками, шея оканчивалась рваными лоскутами кожи» [4, с. 410].

Далее образ отсеченной головы прочитывается через аллюзии к библейскому контексту. Религиозные мормоны, проживающие в долине,

приняли решение «вернуть» призраку его голову, для чего возложили ее на серебряное блюдо: «Спокойно! Банку все равно пришлось бы разбить. Дайте какую-нибудь тряпку. И принесите, во что положить. Корзину, что ли. Нет! В часовне есть серебряное блюдо, так будет почтительней!» [Там же, с. 413]. Показательно, что именно на блюде голова наводит ужас даже на невозмутимого Фандорина, в то время как в баре никто не воспринимает ее как нечто ужасное: первоначально Эраст Петрович принимает голову за кочан капусты.

Эстетика «японского прочтения» мотива отрезанной головы представлена в романе «Алмазная колесница», в котором рассказывается легенда о стойкости маленького самурая: «У одного знаменитого ниндзя были могущественные враги, и вот они убили его, отрубили голову, но не были до конца уверены, что это именно тот человек. Они показали свой трофей восьмилетнему сыну казненного и спросили: «Узнаешь?» Мальчик не проронил ни слезинки, потому что этим он опозорил бы память отца, но по его личику все было и так ясно. Маленький ниндзя с почестями похоронил голову, а сразу вслед за тем, не вынеся утраты, взрезал себе живот и умер, не проронив ни стоны, как настоящий герой. Враги отправились восвояси, успокоившись, а между тем мальчику предъявили голову совершенно незнакомого человека, убитого по ошибке» [1, с. 509]. С другой стороны, роман изобилует и упоминанием отрезанной головы как поругания: отрезанные головы воров выставляют на всеобщее обозрение, насадив их на деревянный кол.

В «Алмазной колеснице» также встречается нетрадиционное прочтение мотива отрезанной головы: отрезание лица. Этот экзотический способ самоубийства упоминается в связи с ниндзя: плененный ниндзя, чтобы затруднить идентификацию и не вывести врагов на след своих единомышленников, отрезает себе кожу лица: «Пониже левой подмышки у арестанта был прилеплен пластырь телесного цвета, замаскированный так ловко, что тюремщики его при обыске не заметили.

Рыбников содрал пластырь, под которым оказалась узкая бритва. Сел поудобней и стремительным круговым движением сделал надрез по периметру лица. Зацепил ногтями кожу, сорвал ее всю, от лба до подбородка, а потом, так и не произнеся ни единого звука, полоснул себя лезвием по горлу» [Там же, с. 188]. Во второй части, описывающей жизнь Фандорина в Японии (хронологически предшествующую событиям первой части), также рассказывается об этом способе ухода из жизни, и все участники диалога оценивают его как беспримерное мужество.

«Западное» восприятие отсечения головы как дикости и варварства взаимодействует с «восточным», в котором это, наоборот, положительно оцениваемый способ расставания с жизнью. Отметим, что эти толкования не исключают друг друга: в «западной» версии речь идет об

отсечении чужой головы, а в «восточной» – о добровольном расставании со своей собственной головой (или лицом).

Также в «фандоринском корпусе» присутствует и «научно-фантастическое» прочтение мотива «отсеченной головы»: в романе «Квест», среди героев которого присутствует дальний родственник Фандорина Гальтон Норд, а также прадед Эраста Петровича Самсон Фондорин. Именно о нем вспоминает Эраст Петрович в сне Моны в конце «Не прощаюсь»: «Лучший возраст жизни я хочу провести с женой и дочерью. Или, ладно, с сыном, хотя мужчинам фандоринского рода очень не везет с отцами. Прадед пропал при Бородине, еще до рождения деда. Дед погиб на Кавказе, оставив маленького сына. А моего родителя, чья непутевая душа вряд ли попала в царствие небесное, назвать отцом трудно» [3, с. 407].

Из «Квеста» читатель уже знает, что Самсон Фондорин не пропал, а стал так называемым Черным Судьей, надзирателем мирового порядка, принимающим эликсир бессмертия. Гальтон наблюдает отсечение головы престарелого Самсона, представляющееся ему варварством. Предшественник Самсона на этом посту, фигурирующий в первой части романа как миллионер Джей-Пи Ротвеллер, впоследствии объясняет Гальтону смысл отсечения головы: «В древности Судья, определив Преемника, вручал ему атрибуты могущества – «эликсир власти» и «эликсир бессмертия», – а также меч, которым избранник отсекал своему предшественнику голову. Никак иначе оборвать жизнь Судьи было невозможно. Позднее, уже в Средние века, один из Судей, выдающийся алхимик, изобрел тинктуру, которую наш прогрессист Самсон назвал «дезактиватором». Она избавляла Преемника от ужасной обязанности убивать своего Учителя, а ушедшему от дел Судье позволяла угаснуть медленно, почти естественным путем» [2, с. 380]. Отсечение головы Фондорина может означать как окончательную отставку его как судьи, так и дарование ему новой жизни – как и в фантастике Беляева (созданной в те годы, когда происходит действие «Квеста» – конец 1920 – начало 1930-х гг.), в новое тело вживляют старый мозг: «Мой ученик и Преемник был превосходным анатомом и хирургом, а под моим руководством добился в этой области таких успехов, которых пока еще не достигла и нынешняя медицина. Мы вместе разработали технологию операции по пересадке мозга из одной черепной коробки в другую. И когда пришло время, он помог мне обрести новое, молодое тело. Тогда я и «ушел на пенсию» – только не стариком, а полным сил юношей» [Там же, с. 382].

В конце романа упоминается о возможном продолжении жизни как Гальтона Норда, так и его возможного преемника, китайца Ву-синя, персонажа, возникающего на последних страницах «Квеста» и наделенного уникальными способностями. «Причиной ажиотажа стало заявление пресс-службы Института о том, что похороны будут происходить в закрытом гробу, поскольку голову д-ра Ву-синя на месте катастрофы обнаружить

так и не удалось. Падкие на жареные факты репортеры немедленно раскопали в архивах давнюю историю о трагической кончине предшествовавшего директора д-ра Г.Л. Норда, которому оторвало голову взрывом во время неудачного эксперимента в лаборатории. Этого зловещего совпадения, абсолютно случайного, оказалось достаточно, чтобы обладающие буйной фантазией писатели пустились в самые невообразимые спекуляции, комментировать которые мы считаем ниже нашего достоинства» [Там же, с. 566].

Таким образом, в «фандоринском корпусе» представлена полисемиотичность образа отрубленной головы: его «западное», «восточное» и «научно-фантастическое» прочтение. Это инструмент игры с читателем: завуалированные отсылки к текстам Библии, историческим реалиям революции (французской и русской), научной фантастики и произведениям самого Акунина (Чхартишвили).

Список литературы

1. Акунин Б. Алмазная колесница. М.: Захаров, 2013. 720 с.
2. Акунин Б. Квест. М.: АСТ, 2014. 640 с.
3. Акунин Б. Не прощаюсь. М.: Захаров, 2018. 416 с.
4. Акунин Б. Нефритовые четки. М.: Захаров, 2020. 704 с.
5. Акунин Б. Турецкий гамбит. М.: Захаров, 2018. 208 с.
6. Беляев А.И. Собрание повестей и рассказов в одном томе. М.: Эксмо. 2018. 880 с.
7. Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1990. 464 с.
8. Кихней Л.Г., Герейханова К.Ф. «У шкатулки второе дно...»: к интертекстуальным парадоксам Бориса Акунина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 4. С. 608–613.
9. Кихней Л.Г. «Чуя старинную быль...» Мифопоэтическое преломление «национальной идеи» в лирике позднего Гумилева // Гумилевские чтения: Мат-лы Междунар. науч. конф.. СПб.: Санкт-Петерб. гуманитарный ун-т профсоюзов, 2006. С. 87–98.
10. Чхартишвили Г.Ш. Писатель и самоубийство. М.: Захаров, 2019. 672 с.

“CUTTING OFF THE HEAD” AS A THROUGH MOTIVE OF THE “FANDORIN CORPUS” BY BORIS AKUNIN

A. B. Borunov

Moscow City Teachers' Training University; Institute of International Law and
Economics named after A. S. Griboedov
Department of Teaching English and Business Communication

The article is devoted to the issues of cross-cutting cyclical motives of the extensive meta-formation of Boris Akunin's texts, connected by the stories of the ancestors and descendants of Erast Fandorin and Fandorin himself. The motive

of the severed head, which has ambiguous and polyvalent semiotic and cultural associations, is highlighted as a cross-cutting motive.

Keywords: *Akunin, motive, cycle, Fandorin corpus, contemporary literature.*

Об авторе:

БОРУНОВ Артем Борисович – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации Московского городского педагогического университета; докторант Института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова (111024, Москва, ш. Энтузиастов, 21), e-mail: borunov.artem@yandex.ru.

About the author:

BORUNOV Artem Borisovich—Candidate of Philological Sciences, Lecturer of the Department of Methods of Teaching English and Business Communication of the Moscow City Pedagogical University; doctoral student of the A. S. Griboyedov Institute of International Law and Economics (21 sh. Entuziastov, 111024, Moscow), e-mail: borunov.artem@yandex.ru.